

УДК:930.27; 94.(47)

**АРАБОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ПО СУФИЗМУ
НА КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ДАГЕСТАНСКОЙ СУФИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

(Статья подготовлена в рамках проекта «Jadidism in Daghestan: Muslim Reformism between the Middle East and Russia» при поддержке фонда «Gerda Henkel Stiftung».)

Ш.Ш. Шихалиев,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

shihaliev74@mail.ru

Аннотация: Суфийская литература занимала важное место в общей арабоязычной письменной культуре Дагестана. За период с середины 19 по первую половину 20 вв. дагестанскими учеными было написано более 50 оригинальных сочинений в этом жанре. Данная статья посвящена текстологическому обзору двух суфийских сочинений на кумыкском языке, написанных шейхом Ильясом ал-Цудакари (ум. в 1904 г.) и просветителем Абусуфьяном Акаевым (ум. в 1931 г.). Сочинение Ильяса ал-Цудакари «Кифайа ал-мурид» («Достаточная для мурида») было написано им в период его ссылки в Самарской Губернии. После его смерти, в 1904 г. данная работа была издана в Казани. В своей работе автор рассматривает специфические вопросы суфийской ритуальной практики, приводя также и генеалогию своей духовной преемственности (силсила). Другое сочинение по суфизму «Васила ан-Наджат» («Средство спасения») было написано автором в Дагестане и издано им в исламской типографии М.-М. Мавраева в Темир-хан Шуре в 1909 г. Данная работа также посвящена вопросам суфийской ритуальной практики. Оба сочинения были написаны авторами на разных диалектах кумыкского языка.

Abstract: The Sufi literature occupied an important place in the Dagestan written culture in the Arabic language. From the mid-19th century to the first half of the 20th century Dagestan scientists created more than 50 original works in this genre. The article presents textological review of two Sufi works in the Kumyk language written by Sheikh Ilyas al-Tsudakari (d. 1904) and enlightener Abusufyan Akaev (d. 1931). The work “Kifaya al-murid” (“Sufficient for murid”) was written by Ilyas al-Tsudakari during his exile in the Samara Province. After his death, in 1904, it was published in Kazan. In the work the author considers the specific issues of Sufi ritual practice and also genealogy of his spiritual succession (silsilah). Another work on Sufism “Vasila an-Najad” (“Rescue remedy”) was written by the author in Dagestan and published in M.M. Mavraev Islamic printing house in Temir Khan Shura in 1909. This work is also dedicated to the problems of Sufi ritual practice. The works were written by the authors in different dialects of the Kumyk language.

Ключевые слова: Дагестан, суфийская литература, Кумыкский язык, рукописи, ритуальная практика.

Keywords: Dagestan, Sufi literature, Kumyk language, manuscripts, ritual practice.

Суфийская литература Дагестана сыграла важную роль в становлении и развитии местной литературной традиции. XIX век, преимущественно его вторая половина, и особенно первая треть XX в. дает нам большое количество суфийских произведений дагестанских авторов. Археографическая работа в Дагестане выявила более пятидесяти оригинальных сочинений, принадлежащих перу дагестанских шейхов XIX –XX вв.

В большинстве своем дагестанские суфийские сочинения написаны на арабском языке, хотя встречаются написанные и на некоторых дагестанских языках – кумыкском, аварском, даргинском. Значительное место среди суфийской литературы на национальных языках как по объему, так и по широте затрагиваемых вопросов занимает сочинение дагестанского

накшбандийского шейха Ильяса ал-Цудакари (ум. в 1904 г.) и дагестанского ученого-просветителя Абусуфьяна Акаева (1872–1931).

Ильяс ал-Цудакари – известный дагестанский ученый-суфий конца XIX в., который внес существенный вклад в развитие теории и практики суфизма в Дагестане.

К сожалению, творчество этого ученого и шейха все еще не изучено, а его имя популярно и известно только в узком кругу исламоведов и представителей духовенства. Об Ильясе ал-Цудакари пишет в своем биографическом труде «Табакат ал-Хваджакан ан-накшбандийа» дагестанский накшбандийский шейх Шуайб ал-Багини, отмечая: «Досточтимый ученый Ильяс ал-Цудакари занимался укрощением своей духовной плоти, воскрешением своего сердца и достиг той степени, до которой достиг, так что шейх ал-хаджж Абдурахман ас-Сугури передал ему разрешение на наставничество в тарикате» (ал-Багини, 2003. С. 366).

Другой дагестанский ученый Назир ад-Дургили в своей работе «Нузхат ал-азхан фи тараджим улама ад-Дагистан» («Прогулка умов по биографиям дагестанских ученых») в числе более чем двухсот биографий дагестанских ученых более подробно пишет об Ильясе ал-Цудакари: «Он был из хутора Амаатхарк* [*Ныне даргинское селение Аметеркмахи Акушинского района РД.]. Он получил образование у ученых своей эпохи, у ученого Ильяса ал-Цудакари ал-Кадани. [В целях получения образования] он посетил Акуша и другие общества. Накшбандийский тарикат он принял у известного шейха ал-Хаджи Абдурахман ас-Сугури, да будет доволен им Аллах, от которого получил иджазу на наставление и обучение [в тарикате].

Затем старая российская власть выслала его в Самарскую губернию и поселила в городе Новоузенск. Тогда ему было 53 года. Здесь он оставался несколько лет, наставляя людей [в тарикате] и давая им разумные советы. К нему приезжали люди из всех областей: Дагестана, Казани и др.

У него были дружеские связи и беседы с учеными Казани, Татарии, с их шейхами. С некоторыми из них он знакомился по переписке, а с некоторыми – через (личные) встречи.

[Как-то] достопочтенный Исмаил Гаспринский, редактор газеты «Тарджуман», послал ему письмо, в котором он спрашивал о возможности переписки мелкими буквами Корана в формат размером с ладонь. Шейх ответил на это согласием и написал в его адрес стихи, выразив свою благодарность за это. После этого маленький Коран, отпечатанный в Бахчисарае, получил широкое распространение в других областях.

К тем, кто знал этого шейха, относится и достойный ученый Атауллах ат-Татари ал-Казани, бывший [в то время] имамом и кадиом в городе Йенгикала* [*В переводе с тюркского означает «новая крепость». Имеется в виду Нижний Новгород]. Шейх был удивительным [человеком] своей эпохи, [был] любезным, добродетельным, благочестивым, богобоязненным, красноречивым, внушал большое почтение и имел белую бороду. Люди сидели при нем так, будто на головах их птица, и они были не в состоянии смотреть на его светлое лицо. Это из-за его большого почтения и силы его. Он был переполнен светом божественной благодати (*файд*), познавшим тонкости тариката, способ лечения больных душ и сердец. У него было много последователей из знати и простого народа. Многие из них уже скончались.

Произошло так, что он оживил практику Накшбандийского тариката после ас-Сугури, да будет доволен ими Аллах.

Он был погружен в поклонение и частое поминание Аллаха, был борцом на пути Аллаха. Все дни и ночи он проводил в призыве [к Аллаху], наставлении и увещании. Он часто мягко разговаривал с людьми, склоняя их ожесточенные сердца к истине. Во время беседы он отличался тем, что часто приводил примеры. Он посылал в (различные) края свои наставления, в которых призывал людей к Аллаху и к вере. Его сын Махмуд служил ему, был помощником во всех его делах. Махмуд, его мать, жена [шейха] Заза, дочь Али ал-Цудакари, жили вместе с ним. У него был другой младший сын по имени Мухаммад. У шейха имеются [собственные] сочинения: «Суллам ал-мурид» на арабском языке, изданное в типографии в Казани, и «Кифайат ал-мурид» на кумыкском языке. Он автор многих касыд, аскетических поэм (*зухдийат*), хвалебных од и других. К концу своей жизни шейх стал немощным, не мог ни стоять, ни ходить из-за болезни. В таком состоянии он находился в течение семи лет в Новоузенске, где и умер в 1322 г., 15 раби ал-аввал (30 мая 1904 г.). Затем его останки были перенесены в гробу на поезде в Дагестан. Он похоронен в селении Параул* [*Кумыкское селение Параул ныне в Карабудахкентском районе РД] Темир-Хан-Шуринского округа. (Могила его) известна и посещается (многими людьми) – да будет доволен им Аллах» (*ad-Durgilis*, 2004. 5. 234–236, 152–154; *Назир ад-Дургели*, 2012. С. 145–147).

Самую же полную биографию приводит сам Ильяс ал-Цудакари в своем сочинении «Кифайат ал-мурид» (ал-Цудакари, 1904. С. 248–252).

Ильяс ал-Цудакари известен как автор двух сочинений: «Суллам ал-мурид» («Ступень мурида») на арабском языке и «Кифайа ал-мурид фи-т-тарика ат-тавхид» («Достаточность для мурида на пути единобожия») на кумыкском языке.

Особый интерес представляет его сочинение «Кифайа ал-мурид», которое рассмотрим ниже.

Сам автор, будучи этническим даргинцем, не случайно написал это сочинение именно на кумыкском языке, который он превосходно знал, так как продолжительное время обучался в кумыкских селах Какашура и Дургели. В дореволюционном Дагестане кумыкский язык играл также важную роль не только как язык межнационального общения в предгорьях и на равнине, но и частично как язык просвещения (Гусейнов Г.-Р., Ибрагимов М.-Р., Оразаев Г., 2010). К примеру, среди книг, изданных арабографическим шрифтом на языках народов Дагестана, на кумыкском языке было издано 152 сочинения, тогда как на аварском – 90, на даргинском и лакском – по 34 (Каталог, 1989). Таким образом, книги на кумыкском языке составляют половину от общего количества книг, изданных в дореволюционном Дагестане в арабской графике на национальных языках. Возможно, относительно небольшое количество сочинений на аварском, даргинском и лакском языках было связано с тем, что представители интеллектуальной элиты горских народов предпочитали писать больше на арабском языке, хотя число хорошо знающих арабский язык в Дагестане было относительно невелико в сравнении с теми, кто читал на родных языках. Вероятно, для большего охвата читательской аудитории Ильяс ал-Цудакари решил написать свое сочинение «Кифайат ал-мурид» именно на кумыкском, а не на своем родном, даргинском, языке.

Вот что пишет по этому поводу сам автор: «Я видел многих мужчин и женщин, которые вступили в тарикат, но не знают ничего из того, что им положено знать относительно догм ислама, религиозных обрядов и суфийской этики. В то же время, они не могут почерпнуть эти нужные сведения и ответы на важные религиозные вопросы из достоверных источников, так как они не знают арабского языка. Тогда я решил написать сочинение на тюркском (в данном случае кумыкском. – Авт.) языке, чтобы довести до людей все то, что им необходимо усвоить из религиозных знаний» (ал-Цудакари, 1904. С.2). Сочинение написано на параульско-доргелинском говоре подгорного диалекта кумыкского языка. В тексте «Кифайат ал-мурид» встречаются следующие слова, написанные с нарушением сингармонизма гласных, что характерно для этого говора и подгорного диалекта в целом: «геса», вместо литературного «гесе» – «режет»; «бирча», вместо литературного «бирче» – «вместе»; «суйганлариндан», вместо «суйгенлеринден» – «из тех, которые любят»; «этаган», вместо «этеген» – «совершающий».

Любопытно, что автор в тексте иногда использует арабские лексические и грамматические формы, адаптированные под грамматику кумыкского языка. К примеру, в тексте часто встречается слово «хасаислар» – «особенности», при разборе которого можно выделить корень «хасаис» – «особенности», являющийся арабской формой «разбитого» множественного числа, и тюркского, в данном случае кумыкского, окончания «-лар», означающего множественное число существительного. В тексте также часто встречаются арабизмы, причем даже в том случае, когда в кумыкском языке имеются лексические эквиваленты – арабский «накис» вместо кумыкского «кем» – «недостаточный». Вводная же часть этого сочинения, названия глав, некоторые термины, а также автобиографическая часть написаны на арабском языке.

В Дагестане сочинение Ильяса ал-Цудакари «Кифайа ал-мурид» известно в печатном варианте и в двух рукописном списках.

Печатный вариант этого сочинения был издан наборным способом в Казани в 1904 г. На первой странице книги имеется следующая запись на татарском языке: «Эта книга издана в Казани в 1904 г. в типографии наследников Чирковой на средства сыновей шейха Ильяса-хаджи – Махмуда и Мухаммада, их жен и с помощью усердия Махмуда-эфенди» (ал-Цудакари, 1904. С. 10).

Далее, на той же странице имеется надпись на татарском и русском языках в арабской графике и на кириллице соответственно: «Дозволено цензурой С.-Петербург, 29 декабря 1903 г.».

Интересная запись на арабском языке содержится и в конце печатного издания этого сочинения: «Закончил переписку этой книги «Кифайа ал-мурид фи тарика ат-тавхид» шейха Ильяса б. ал-Цудакари... в ночь на пятницу 23 мухаррама 1320 / 2 мая 1902 года немощный раб Никамухаммад б. Курбан ад-Дургели* [*Он был отцом известного дагестанского алима Назира из Дургели], да простит Аллах его грехи и грехи всех мусульман. Я, бедный пленник, автор этой книги Ильяс б. Махмуд ад-Дагистани ал-Цудакари, арестант, [находящийся] в Сибири, в крепости

Новоузенск* [*Новоузенск – ныне город в Саратовской области, на границе с Северо-Западным Казахстаном], в одном из городов Самары, закончил просмотр этой книги от начала до конца в понедельник 3 числа месяца раби ал-аввал 1320 / 10 июня 1902 года».

Кроме печатного издания в Дагестане имеются также два рукописных списка этого сочинения, известные в единичном экземпляре. Оба этих списка хранятся в коллекции соборной мечети селения Параул Карабудахкентского района.

Первая рукопись (список А), объемом 422 страницы, написана на белой, тонкой, фабричной бумаге формата 17×22 см и является автографом. Текст рукописи написан почерком «наسخ» черными чернилами, названия отдельных глав написаны красными чернилами. В конце рукописи имеется следующий колофон на арабском языке: «Хвала Аллаху, Господу миров. Закончил [это сочинение] в четверг, без четверти двенадцать, двадцать первого числа месяца шабан 1318 / 14 декабря 1900 года. Хвала Аллаху, хвала Аллаху, хвала Аллаху за завершение с начала до конца, то, что скрыто и явно [в этой книге], за то, что Он помог мне написать эти буквы, начертать эти строки, вместе с тем, что я был немощен, без сил. Все приветствия и благословения Его посланнику Мухаммаду, его семье и сподвижникам, всем. Я, немощный пленник, Ильяс б. Махмуд ал-Цудакари, составил эту книгу, будучи больным, в постели и с помощью Всевышнего Аллаха, завершил её. Однако я не в состоянии прочитать её еще раз и отредактировать. И все же, если на то будет воля Аллаха, я намереваюсь отредактировать её и надеюсь на то, что мое тело наполнится силой для того, чтобы проверить переводы с арабского на тюркский язык и исправить все ошибки. И мир [вам]».

Вторая рукопись (список Б), объемом 453 страницы, написана на тонкой, пожелтевшей фабричной бумаге российского производства, формата 17.5×22.5 см. Текст написан почерком «наسخ» черными чернилами. Названия глав выделены красными и зелеными чернилами. Рукопись дефектна, отсутствуют первый и последний листы. Имя переписчика тоже отсутствует.

Таким образом, все даты (в колофоне списка А и в печатном издании) рисуют следующую историю, связанную с этим сочинением.

Очевидно, что это сочинение было написано Ильясом ал-Цудакари в городе Новоузенск Самарской губернии и было завершено 14 декабря 1900 г. (надпись в колофоне автографа).

Для того чтобы издать это сочинение в типографии, Ильяс ал-Цудакари поручил своему муриду Никамухаммаду из кумыкского селения Дургели отредактировать и переписать эту рукопись, подготовив её для издания. Никамухаммад ад-Дургели закончил переписку этой рукописи 3 мая 1902 г. и выслал переписанную копию этого сочинения для ознакомления самому автору. Ильяс ал-Цудакари, получив эту копию, ознакомился с ней 10 июня 1902 г. Затем, после получения разрешения в Петербурге 29 декабря 1903 г., эта копия была доставлена сыновьями Ильяса Цудахарского – Махмудом и Мухаммадом – в Казань, где и была издана в 1904 г.

Таким образом, можно предположить, что автограф, с которого переписывал сочинение Никамухаммад, впоследствии был передан в мечеть селения Параул, где был похоронен Ильяс ал-Цудакари.

Что касается структуры этого сочинения, то оно состоит из трех основных разделов: имана, ислама и ихсана. Как пишет во введении автор: «Хоть этих разделов три, в действительности, они составляют единое целое, как одно плодоносящее дерево. Корнем этого дерева является иман, стволом – ислам, а плодами – ихсан» (*ал-Цудакари, 1904. С. 3*).

В первом разделе Ильяс ал-Цудакари рассматривает основные понятия мусульманской догматики: веру в Аллаха с описаниями Его атрибутов; веру в ангелов с описанием возложенных на некоторых из них обязанностей; в ниспосланные священные писания; в посланников Аллаха с названиями тех из них, которые упоминаются в Коране; вера в Судный день и воскрешение мертвых; вера в предопределение (*кадар*).

Во втором разделе Ильяс ал-Цудакари поясняет сущность пяти столпов ислама: принятие свидетельства о том, что нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – Его посланник (*аш-шахада*); ежедневная пятикратная молитва (*ас-салам*); выплата налога в пользу неимущих (*аз-закат*); обязательный пост (*ас-саум*) в месяц Рамадан и совершение паломничества, у кого есть на это возможности (*ал-хаджж*). В этой главе рассматриваются принципы и порядок совершения ритуальных обрядов и обязанностей мусульман, таких как совершение ритуального омовения, пятикратной обязательной, коллективной и пятничной молитв, молитвы по усопшим, условия и порядок выплаты заката – налога в пользу неимущих, соблюдение обязательного и дополнительных постов, порядок и условия паломничества в Мекку.

И, наконец, в третьем разделе автор рассматривает понятие «ихсан» – чистосердечие в исполнении религиозных обязанностей. Этот последний раздел начинается с упоминания и краткой биографии «золотой» цепи (*силсила*) накшбандийского тариката, начиная традиционно с краткой биографии пророка Мухаммада и завершая краткой биографией своего наставника Абдурахмана ас-Сугури и автобиографической частью. Эта же глава далее посвящена вопросам суфийской этики и практики накшбандийского тариката. В нем, в частности, Ильяс ал-Цудакари рассматривает следующие вопросы: покаяние и его достоинство; предпочтение зикра по сравнению с другими деяниями; внушение зикра муриду его шейхом и обет, который дает мурид своему шейху; порядок совершения зикра; порядок и условия совершения «*муракаба*» (самоконтроль мурида за собственными ощущениями); этика взаимоотношений мурида и шейха; этика любви муридом своего шейха; духовная связь (*рабита*) мурида со своим шейхом, когда он находится рядом, когда отсутствует или умер; этика тариката. Завершается это сочинение глоссарием суфийских терминов с подробными их пояснениями на кумыкском языке.

Умер Ильяс ал-Цудакари 24 апреля 1904 г. в российской ссылке, затем его тело было доставлено в Дагестан и захоронено в кумыкском селении Параул. На надмогильной стеле у зиярата Ильяса цудахарского имеется любопытная надпись на арабском языке следующего содержания: «Переселился [в мир вечности] выдающийся ученый (*ал-аллама*), совершенный наставник (*ал-муриид ал-камил*) Илйас б. Махмуд ал-Цудакари ал-Аматхаркмаки в восьмой день месяца сафар 1322 (24 апреля 1904) года в городе Новоузенск Самарской губернии, где он находился в ссылке из-за возвышения им религии Аллаха и возрождения им Его пути. И распространилась [в тех землях] наука и тарикат. Он наставлял [на путь тариката] жителей тех областей и распространился от него на них свет божественной благодати (*файд*). Он был больным девять лет и написал две великолепные книги: «Суллам ал-мурид» и «Кифайа ал-мурид». Когда он скончался, то был похоронен там [и находился в могиле] двадцать девять дней. Затем его сыновья Махмуд и Мухаммад по железной дороге перевезли его [тело] в ящике (*табут*) в Дагестан и похоронили в селении Параул. После того как прошло три месяца, его могилу вскрыли, чтобы вытащить его [тело] из нее. И увидели, [что он был] как живой, спящий, не изменившийся. Да будет Аллах им доволен, да освятит его душу, могилу, распространит через него свет Своей благодати (*файд*) и сделает пользой до конца света!»

Другое сочинение по суфизму, написанное на кумыкском языке, называется «Васила ан-наджат» («Средство спасения»)*[* Данное сочинение А. Акаева было издано в транслитерации на кириллице дагестанским тюркологом Г.М.-Р. Оразаевым (См.: *Акаев Абусутиян*, 2010. С. 191–236)] и принадлежит одному из крупных дагестанских ученых, переводчику и просветителю Абусуфьяну Акаеву (1872–1931). А. Акаев получил традиционное образование в разных селах Дагестана, изучал новометодную систему обучения в Поволжье (в Каргале) и открыл первую новометодную школу в своем родном селении Нижнее Казанище. В 1902–04 гг. он вместе со своими товарищами изучал издательское дело в Крыму у Исмаила Гаспринского и издал в Бахчисарае и Симферополе ряд книг на арабском и кумыкском языках. В последующие годы он издал также много книг на арабском и кумыкском языках в открывшейся в Дагестане, городе Темир-Хан Шуре (ныне г. Буйнакск), исламской типолитографии (Литературное и научное наследие, 1992. С. 106–116; *Абусуфьян Акаев*, 2012. С. 249–251). Любопытно, что А. Акаев – фактически единственный дагестанский ученый, написавший сочинение по суфизму, который при этом не был суфием.

Сочинение «Васила ан-наджат» к настоящему времени известно лишь в одном печатном варианте (если не считать поздних его переизданий, выполненных в транслитерации). Оно впервые было издано литографским способом в исламской типографии Магомедмирзы Мавраева в городе Темир-Хан-Шуре в 1908 г. (*ал-Газаниши*, 1908). Рукописных списков этого сочинения к настоящему времени не найдено.

Структурно сочинение состоит из двадцати разделов, посвященных суфийской ритуальной практике накшбандийского тариката. Отличительной особенностью этого сочинения является то, что А. Акаев не рассматривает вопросы мусульманской догматики и фикха, что довольно подробно представлено в сочинении Ильяса ал-Цудакари «Кифайа ал-мурид». Сам автор по этому поводу пишет следующее: «Ввиду того, что тарикат является следующей ступенью после шариата, я необходимые для мусульман знания по шариату написал в своей предыдущей книге «Сафинат ан-наджат»[* Это сочинение было издано его автором дважды в типографиях Бахчисараея и Симферополя в 1903 г. Оно также было издано в транслитерации на кириллице Г.М.-Р. Оразаевым (См.: *Акаев Абусутиян*, 1997. С. 199–254)]. В настоящей же книге я написал о тарикате

и назвал её «Васила ан-наджат». В предыдущей книге я рассмотрел все, что связано с основными понятиями мусульманской догматики (*иман*), и пояснил сущность пяти столпов ислама (*ислам*). Здесь же будут даны пояснения понятия «*ихсан*». Опираясь на арабоязычные и другие арабографические книги, написанные про накшбандийский тарикат, я попытаюсь написать об этом» (*ал-Газаниши*, 1908. С. 2).

Что касается глав этого сочинения, то автор последовательно рассматривает в них следующие вопросы: выбор суфийского наставника; необходимые знания, обязательные для мурида до вступления в тарикат; порицаемые и похвальные качества человека; способ передачи шейхом муриду суфийского задания (*вирд*); этика взаимоотношений мурида и шейха; этика совершения зикра; способ исполнения тихого зикра; способ исполнения громкого зикра; способ совершения практики «*муракаба*»; духовная связь (*рабита*) мурида со своим шейхом; некоторые вопросы суфийской этики; некоторые дополнительные молитвы, которые совершают суфии; пояснение некоторых суфийских терминов; способ совершения покаяния (*тавба*); порядок посещения могил праведников; действия, не подобающие суфию; порядок совершения коллективной практики зикра «*хатм ал-хваджакан*»; молитвы, которые необходимо читать суфию после коллективной практики зикра «*хатм ал-хваджакан*»; стихи суфийского содержания; «золотая» цепь духовной преемственности (*силсила*) накшбандийского тариката.

Обращает на себя внимание последний раздел, где Абусуфьян Акаев в схематической форме отобразил цепь духовной преемственности накшбандийского тариката. В предисловии к этой схеме автор пишет следующее: «После того, как я написал книгу о тарикате, я счел уместным привести в конце цепь духовной преемственности. Я вплоть до настоящего времени не являюсь муридом ни одного из шейхов. В противном случае я перечислил бы только шейхов своей ветви, пропустив остальных. Учитывая это, я счел нужным привести имена всех шейхов [накшбандийского тариката], о которых я слышал или читал. Тех же из них, кто достоин или же не достоин быть включенным в эту цепочку духовной преемственности, Всевышний Аллах Сам лучше определит...» (*ал-Газаниши*, 1908. С. 28–29).

Любопытно, что Абусуфьян Акаев был первым из дагестанских ученых, кто схематически изобразил цепь суфийской духовной преемственности. Остальные дагестанские шейхи, писавшие до Абусуфьяна Акаева, во первых, упоминали в такой цепочке только шейхов своей ветви, во вторых, упоминали такую цепь непосредственно в тексте, не изображая её схематически. После работы Абусуфьяна Акаева схематическое изображение духовной ветви вошло в практику многих дагестанских шейхов. Любопытно также мнение Абусуфьяна Акаева о том, что «тем, [кто хочет достичь степени познания Аллаха], необходим наставник. Однако в настоящее время те, за кем можно было бы следовать в тарикате, среди нас встречаются реже, чем червонное золото» (*ал-Газаниши*, 1908. С. 2) Эта мысль А. Акаева являлась предтечей бурной дискуссии, развернувшейся в Дагестане в 20-х – 30-х гг. по проблеме лжешейхов.

Творческое наследие А. Акаева велико. Интересными представляются его работы на кумыкском языке, недавно изданные с комментариями Г. М.-Р. Оразаевым в транслитерации на кириллице (*Акаев А.*, 1992; 1997; 2010; 2012). Арабоязычные же его работы до настоящего времени почти не изучены.

В 1929 г. по обвинению в «пантюркизме и панисламизме» А. Акаев органами ОГПУ был осужден к 10 годам лишения свободы, сослан в Котласские лагеря Северного края, где и скончался в 1931 г. Вероятно, помимо прочего, определенную роль в его аресте и последующей ссылке сыграло то, что он в середине 20-х гг. написал сочинение с критикой материалистических взглядов «социалистов, именуемых коммунистами, которые являются самыми невежественными людьми нашей эпохи» (*ал-Газаниши*, рукопись. Л. 191 об.). Его же богатейшая библиотека была уничтожена органами ОГПУ (Литературное и научное наследие, 1992. С. 115; *Абусуфьян Акаев*, 2012. С. 126, 261).

В целом, рассматривая жанровую и тематическую характеристику этих двух работ, так же, как и сочинений дагестанских шейхов XIX в., можно заметить существенную разницу между ними и трудами ближневосточных мусульманских суфиев средневековья, сочинения которых были распространены в Дагестане. Отличительной чертой этих работ является то, что если сочинения средневековых ближневосточных авторов были посвящены кодификации суфийских терминов, анализу основных суфийских понятий и этических норм и канонов, то в сочинениях дагестанских авторов XIX – начала XX вв. подробно рассматриваются вопросы ритуальной практики в рамках накшбандийского и шазилийского тарикатов. Начиная с XX века, а особенно с 20-х гг. XX в. дагестанская суфийская литература по своей жанровой структуре претерпевает некоторые

изменения. Начиная с 20-х гг. XX в. дагестанские суфийские сочинения были посвящены больше вопросам критики лжешейхства и особенно, вплоть до настоящего времени, апологетике суфизма и суфийской обрядовой практике с точки зрения Корана и Сунны. Примечательно, что в сочинениях этого периода принципы и порядок совершения суфийской ритуальной практики не занимают центрального места в структуре этих работ. Это было связано с тем, что, начиная с XX в., в Дагестане начали распространяться идеи джадидизма, некоторые последователи которого выступали с жесткой критикой как самих дагестанских суфиев, так и суфизма в целом.

Таким образом, история суфийской литературы в Дагестане претерпела несколько этапов развития. Первый этап (XII – начало XIX вв.) – это распространение трудов преимущественно суфийских шейхов Ближнего Востока. В этих работах больше внимания уделено нравственным аспектам, кодификации суфийских терминов, анализу основных суфийских понятий и этических норм и канонов.

Второй этап (первая половина XIX – начало XX в.) – это развитие собственно местной оригинальной суфийской литературы. В условиях широкого распространения суфизма в Дагестане возникала потребность в «практических» рекомендациях и трудах по ритуальной практике того или иного тариката. Это определило жанровую структуру дагестанских суфийских сочинений этого периода, основной акцент в которых уделялся больше практическим вопросам, связанным, в частности, с порядком и условиями совершения накшбандийской ритуальной практики.

Третий период (с первой трети по конец XX в.) – это развитие суфийской литературы уже в несколько иной жанровой структуре. Ввиду резкой критики суфизма со стороны джадидов, а затем с начала 90-х годов XX в. и салафитов, стали появляться работы, посвященные больше не порядку и способу исполнения практики того или иного тариката, а обоснованию как легитимности суфизма в целом, так и ритуальной практики в частности.

Сочинения дагестанских суфийских шейхов в период своего развития отражали те процессы, которые происходили во всем мусульманском мире, в том числе и в Дагестане в определенные исторические периоды.

ЛИТЕРАТУРА

Абусуфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность / Сост. и науч. ред.– Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2012. – 328 с.

Акаев Абусуфиян. Пайхамарны ёлу булан («Тропую пророка») / Составитель книги, автор предисловия, транслитерации с аджама на кириллицу и комментариев – Гасан Оразаев. Книга 1. Махачкала, 1992. – 376 с.; Книга 2. Махачкала, 1997. – 320 с.; Книга 3. Махачкала, 2010. – 440 с. (Кумык. яз.)

Акаев Абусуфьян. Шариат и тарикат / Сост., коммент. и транслитерация Г.М.-Р. Оразаева. Махачкала, 2012. – 236 с. (Кумык. яз.)

Абусуфьян б. Акай ал-Газаниши. Васила ан-наджат. Темир-Хан-Шура, 1908. – 32 с. (Кумык. яз. Араб. шрифт).

Абусуфьян б. Акай ал-Газаниши. Ал-Бурхан ал-кати‘ фи исбат ас-Сани‘ // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. ФМС. Оп. 1. № 90. Лл. 191–200 об.

Илийас ал-Цудакари. Кифайа ал-мурид фи-т-тарика ат-тавхид. Казань, 1904. – 412 с. (Кумык. яз. Араб. шрифт)

Шу‘айб б. Идрис ал-Багини. Табакат ал-Хваджакан ан-накшбандийа ва салат ал-маша’их ал-халидийа ал-махмудийа. Дамаск. 2003. (Араб. яз.)

Гусейнов Г.-Р., Ибрагимов М.-Р., Оразаев Г. Кумыкский язык в истории Дагестана: XX век (коллизии, паллиативы и перспективы // Балканско езиковзнание. Linguistique Balkanique, XLIX, 3. София: Институт за български език при БАН, 2010. С. 173-193.

Каталог, 1989. – Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период) / Сост. и автор предисловия – А.А. Исаев. Махачкала, 1989. – 300 с.

Литературное и научное наследие, 1992. – Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева (сборник статей и материалов) / сост. – Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала, 1992. – 178 с.

Назир ад-Дургели. Услада умов в биографиях дагестанских ученых: дагестанские ученые X-XX вв. и их сочинения / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиографии подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М.: Издательский дом «Маржани», 2012. – 207+223 с.

Nadir ad-Durgilis (st. 1935). *Nuzhat al-adhan fi taragim ulama Dagistan*. Herausgegeben, Übersetzt und Kommentiert von Michael Kemper und Amri R. Šixsaidov // *Muslem Culture in Russia and Central Asia*. Vol. 4: Die Islamelehrten Daghestans und ihre arabischen Werke. Klaus Schwarz Verlag. Berlin, 2004. – 294+ 165 s.